

СИСТЕМНЫЕ КРИЗИСЫ В РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МАССОВОЙ ПСИХОЛОГИИ 1904-1921 И 1985-2002 ГОДОВ

ВЛАДИМИР БУЛДАКОВ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Современные исследователи признают кризисы естественной формой пространственно-временного существования России,¹ однако попыток их конкретно-исторического сопоставления еще не предпринималось. Между тем, сравнительное изучение периодов нестабильности российской системы с учетом особенностей массовой психологии может сказать о ее природе больше, нежели любая – как всегда претендующая на универсализм – теория. Более того, адекватная оценка предыдущего кризиса могла бы указать на опасности, подстерегающие общество, в ходе очередного социального катаклизма.

С чем связаны российские системные кризисы в новейшее время? В принципе все можно свести к проблеме раскола в архаичной социальной среде,² обеспечившей возобладание «неполитических» (или квазиполитических) форм их протекания. В разные эпохи факторы разрушения и сдерживания проявляли себя однотипно, хотя и с разной степенью интенсивности и под разными лозунгами. В любом случае развязка связана с закреплением в социальном пространстве такого набора бинарных оппозиций, который захватывает буквально всех и потому требует упрощенного выбора.³ В результате реальная судьба системы вы-

1 См.: Булдаков В.П. Переворот или кризис империи? // Родина. 1992. № 10; Он же. XX век в истории России: Имперский алгоритм? // Межнациональные отношения в России и СНГ. М., 1994; Россия: 21 век... Куда же ты? М., 2002. С. 147-151. Даже исследователи, далекие от изучения прошлых кризисов, заявляют, что в России «нет внутренних факторов для разрыва с ...исторической традицией, возвращающей нас от тоталитаризма к смуте, от смуты к новому тоталитаризму». – См.: Горбачевские чтения: Проблемы внешней политики М.С. Горбачева. Перестройка как опыт преодоления тоталитаризма: выводы для будущего. М., 2003. С. 157.

2 См.: Ахиезер А.С. Специфика исторического опыта России: трудности обобщения // Pro et Contra. Т. 5. № 4.

3 Стоит в связи с этим сравнить выводы таких совершенно несхожих между собой авторов, как Р. Уэйд и В. Березовский, рассматривающих события 1917 и 1993 гг., соответственно. – См.: R.A. Wade, *The Russian Revolution, 1917* (Cambridge: Cambridge University Press, 2000), pp. 288, 296; Березовский В.Н. Президент – Верховный Совет:

падает из рук элит (будь то бюрократия или революционеры) и решается «косным» большинством. Оно и обеспечивало возврат системы к исходной точке, оставляя обессиленным элитам чисто декоративные функции на фоне всенародно признанного «вождя». В большей или меньшей степени отмеченные черты характерны для всех великих революций прошлого, но в новейших российских кризисах они проявили себя наиболее отчетливо.

Сравнение «красной смуты» начала XX в. с «вялотекущей революцией» наших дней⁴ исходит из признания, во-первых, кризисного ритма российской истории как «естественной» формы ее исторического существования и, во-вторых, относительной неизменности психоментальных реакций *Homo rossicus*, – социокультурное ядро которого составляло крестьянство. Возможность применения теорий динамического хаоса (синергетики) к социальной сфере в наше время не берется отрицать никто. Несколько сложнее обстоит дело с признанием архаичности *Homo rossicus*'а – люди склонны преувеличивать уровень собственной цивилизованности вопреки тому, что традиционализм пронизывает современную действительность. В данном случае ограничимся указанием на некоторые метаморфозы сельской общинности, связанные с внешней урбанизацией.

Еще «народнический» писатель Г. Успенский писал о том, что так называемый общинный коллективизм базировался на формуле «повинуйся и повелевай» – крестьянин терпелив и деспотичен одновременно.⁵ Октябрьская революция повлекла за собой утверждение традиционных стереотипов сознания в городской среде и их распространение по всем этажам социальной лестницы – это напоминало скорее Смуту XVII в., нежели Великую французскую революцию.⁶ Обращаясь к современности, едва ли не все авторы соглашаются, что новейшие информационные технологии не только не обеспечивают прогресса социализации, но, напротив, превращают «цивилизованный мир» в «большую деревню». Если так, то уместно подходить к прошлому и нынешнему россиянину как относительно устойчивому в психосоциальном отношении персонажу истории.

военно-политическая развязка властного противостояния. Причины и следствия // Новый «Октябрь» в оценке историков. М., 1994. С. 66.

4 См.: Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 362.

5 Зверев В.В. «Власть земли» и «власть денег» в произведениях Глеба Успенского: традиционный мир русского крестьянства // Историк и художник. 2004. № 1. С. 47. «Мирской деспотизм» прекрасно прослежен также Т. Шатковской. – См.: Шатковская Т.В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX в.: опыт юридической антропологии. Ростов-на-Дону, 2000.

6 См.: Булдаков. Красная смута. С. 338-339.

О «трех русских революциях» и Гражданской войне написаны горы литературы, но ясности смысла событий это не особенно прибавило.⁷ Многочисленные (чаще политически ангажированные) работы, посвященные постперестроечным временам, как правило, остаются в плену старых и новых догм.⁸ Учитывая это, в первую очередь стоит попытаться показать, как и почему возможности поступательного развития России блокируются на «человеческом» уровне.

КРИЗИС ИМПЕРСКОЙ СИСТЕМЫ И ДИНАМИКА МАССОВОГО СОЗНАНИЯ: ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

«...Стрессогенные ситуации всегда подавляют или разрушают исторически более поздние, высшие формы культуры (и социальности) и актуализируют предковые, как правило, отталкивающие модели, – отмечает один из современных авторов. – Поэтому в эпоху гражданских войн, в ситуациях распада общества в массовом порядке всплывают архаические модели социальности».⁹ Но почему психосоциальные стрессы в России обеспечивают возвращение «на круги своя»?

Как известно, человек лишен инстинктивной программы поведения. Относительное (социально-управленческое) преодоление этого недостатка скорее достигается в замкнутых, культурно-однородных пространствах. Напротив, избыточное «обилие» (прежде всего территориальное) затрудняет этот процесс и порождает утопии о «совершенной» (абсолютной во всех смыслах) власти. В этих условиях правители вынуждены не просто управлять, но и соответствовать магическим представлениям о своих собственных возможностях. Бунт – «бессмысленный и беспощадный» с управленческой точки зрения – на деле есть крайняя форма напоминания власти о ее просчетах.¹⁰ В масштабах большого исторического времени кризис выступает крайней формой сохранения имперски-патерналистского ядра системы, а не ее трансформации.

7 См.: V. Buldakov, "Scholarly Passions around the Myth of 'Great October': Results of the Past Decade," *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History* 2:2 (Spring 2001); Михайлов И.В. Гражданская война в современной историографии: виден ли свет в конце тоннеля? // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. М., 2002.

8 Аргументированно указывают на однотипность российских кризисов лишь отдельные западные историки. – См.: R. Service, *Russia, Experiment with a People from 1911 to the Present* (London, Basingstoke and Oxford: MacMillan Publishers, 2002).

9 Яковенко И.Г. Прошлое и настоящее России: имперский идеал и национальный интерес // Полис. 1997. № 4. С. 94.

10 Г.П. Федотов в свое время даже заметил, что «бунт есть необходимый политический катарсис для московского самодержавия». – См: Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2. С. 287.

Разумеется, течение кризисов зависит от особенностей гомоэнергетического насыщения социально-географического пространства, витальности социальной среды. К началу XX в. население «помолодело» – отсюда не только взлет его активности, связанной с характерным набором идей и утопий, но и рост агрессивности. Напротив, «старение» населения в конце XX – начале XXI в. повлекло за собой энергетическую вялость протекания кризиса.

В любом случае в кризисе империи можно выделить «уровни» его преимущественного протекания. Это связано не только со сменой его основных социальных носителей, но и с общими подвижками массового сознания. В точке бифуркации общественное нетерпение приобретает необратимый характер – даже силы сопротивления скорее провоцируют, чем сдерживают его. Сложнее вопрос о реанимации системы: после 1917 г. ее обеспечили косные низы; после 1991 г., когда бюрократия сохранила свой управленческий статус, старая власть «спаслась», имитируя собственную гибель в глазах пассивно-недоумевающей общественности. Как бы то ни было, и в прошлом, и настоящем кризис захватил всех, разворачиваясь стадийно, в форме поэтапного возобладания тех или иных своих компонентов.¹¹

Первый – *этический* – трудноуловим социологически, хотя очевидно, что революция невозможна без «грехопадения» власти. Нравственные коллизии, предшествовавшие революционным взрывам начала XX в., связаны со столкновением глобальных мыслительных парадигм, в ходе которого традиционно-патерналистские представления о власти в глазах элит были поколеблены этосом Просвещения. Глубину кризиса олицетворяла русская литература, воспитавшая бунтарей, взявшихся освободить страну от скверны. Экстремистов все больше оправдывали либералы. А в целом просвещенный слой поменял чувство сопричастности к происходящему на «идеал»: для революционеров он воплощался в социально справедливых теориях, для бюрократов – в «совершенной» форме управления.

В советское время этический компонент кризиса связан с крахом хрущевской авантюры построения коммунизма. Сыграло свою роль и разоблачение сталинского террора. Не случайно появление квази-Радищева – А.И. Солженицына, призвавшего «жить не во лжи». Разложение общества поразило mass media: парадоксально, но обычный газетчик «искренне» говорил не то, что думал,¹² – естественно, что информационные связи стали работать на разрушение системы.

Идеологическая составляющая кризиса связана со складыванием альтернативы существующей форме правления. В прошлом ее крайним

11 Булдаков. Красная смута. С. 340.

12 Довлатов С. Старый петух, запеченный в глине. М., 1997. С. 128.

выражением выступала сама партийно-политическая система как тотальное отрицание самодержавия. При этом российские партии строились вокруг идей и/или утопий, лишь символически представлявших классы или сословия. Новая идеология разлагала застойную систему, одновременно выдвигая на первый план диссипативные и пассионарные элементы общества. Особенность обоих кризисов – наличие «единственно верной» теории. Российские идеологи перестройки не случайно были прозваны на Западе «бастардами монетаризма» и «рыночными большевиками».

Политическая составляющая кризиса связана с непосредственным организованным сопротивлением власти. В начале XX в. для развертывания кризиса важнейшее значение приобрело то, что политическая культура образованных слоев качественно расходилась с этатистскими представлениями низов – «совпадение» имело место лишь в момент падения самодержавия. В конце столетия интеллигенция и народ в этом отношении несколько сблизилась – не случайно поветрие «веховства» поразило едва ли не всех.¹³

По большому счету, российская «политика» это – производное от ослабления патерналистских начал власти, не случайно она напоминает о себе сначала в форме нигилистической активизации молодого поколения. Партийно-политическая система 1905-1917 гг. сделалась непосредственным орудием нагнетания хаоса. В ее рамках даже верноподданничество усугубляло положение власти. Ту же роль некоторое время играла многопартийность конца XX в., хотя степень развращенности современных парламентариев много выше,¹⁴ что и позволяет «новой» власти уживаться с ними.

Организационный кризис связан с коллапсом управленческих структур и разрывом «обратной связи». В прошлом он был спровоцирован реформаторами, игнорировавшими традиционалистские реакции населения.¹⁵ В конце XX в., по признанию Г. Старовойтовой, отношение к народу, «как к быдлу, сыграло роковую роль».¹⁶

Важнейшую роль в развале самодержавной системы сыграла неспособность бюрократии вовлечь самоуправленческие структуры в сотруд-

13 Это явление пока никто не взялся проследить социологически, но современник легко улавливает его по преобладающим настроениям интеллигенции.

14 Некоторые исследователи связывают это с отсутствием «стабильного, работоспособного большинства» (См.: Чейси П. Причины институциональной стабильности Второй Государственной Думы (1996-1999) // Русский сборник. Исследования по истории России XIX-XX вв. Том. I. М., 2004. С. 355), но причины, конечно, лежат глубже.

15 См.: Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002.

16 Старовойтова Г. Лидеров в политике надо менять так же часто, как детские пеленки. И по той же причине // Вечерняя Москва. 1995. 5 мая.

ничество с властью для победы в войне.¹⁷ В том и другом случае эпицентром противодействия власти стали ее собственные, не ко времени созданные институты (кстати, Съезды народных депутатов образца 1990-х гг. вполне аналогичны земскому и городскому союзам начала XX в.).

Управленческий кризис социализма отражал неспособность бюрократии обслуживать утопию иначе, как под прессом всеобщего страха. Попытка гайдаровских рыночников перевести нерентабельные отрасли на режим самовыживания обернулась усилением моноэкспортной основы экономики¹⁸ (сложившаяся в результате ситуация сравнима с вывозом зерна в царской России). В том и другом случае организационный развал начинался с инфляции и продовольственных трудностей, но в первом восстановление экономики шло быстрее, ибо этот процесс определялся крестьянским хозяйствованием. В постсоветское же время архаизация народного хозяйства поразила город, что имело куда более существенные и долговременные последствия.

Социальный компонент кризиса связан с попытками реструктурирования системы на основе архаично понимаемой справедливости. Представлялось, что каждый класс ведет свою «справедливую» войну (что усиливалось ложной самоидентификацией¹⁹), а между тем шло растаскивание всякой собственности. После краха Советского Союза попыткам селективной приватизации и производственного самоуправления сверху (на манер фабзавкомов 1917 г.) сопутствовала стихийная растаскировка снизу. Тот факт, что труженики и города, и деревни предпочитают, чтобы их дети шли в сферу обслуживания или в управленческие структуры, лишь усугубляет отдаленные последствия нынешних социальных изменений.

Охлократическая полоса кризиса связана с выдвижением на первый план диссипативных элементов, которые провоцируют всевозможных маргиналов. В этот период коллективная психика регрессирует до архаичных модальных отношений, инфантильные эмоции доминируют на всех уровнях общественной организации.²⁰ В точках бифуркации вожа-

17 Подробнее об этом см.: Земский феномен. Политологический подход. Саппоро, 2001. С. 197-198. В свою очередь, предприниматели использовали аргументы либералов для нейтрализации обвинений в провале снабжения армии. – См.: Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию (1907-1917). М., 2003.

18 G.W. Breslauer, "Personalism Versus Procedualism: Boris Yeltsin and the Institutional Fragility of the Russian System," V.E. Bonnel and G.W. Breslauer, eds., *Russia in the New Century: Stability or Disorder* (Boulder (Colo), 2001), p. 53.

19 Даже полицейские порой отождествляли себя с народом. – См.: Леонов С.В. «Разруха в головах»: к характеристике российского массового сознания в революционную эпоху (1901-1917 гг.) // Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. М., 2003. С. 136.

20 Гроф С. За пределами мозга. М., 1993. С. 420.

ки охлоса, сами того не сознавая, задают установки всему обществу, а затем и революционной власти. Связь по линии лидер-масса приобретает «вождистский» характер.

При слабости социальной энергетики охлократия может приобрести замещенный характер, проявляя себя преимущественно через СМИ – ситуация характерная для нашего времени. Отсюда возобладание секса и насилия, вторжение в высокую культуру «низких» жанров – всего того, что в 1917 г. творилось на площадях. Депрограммированию даже устойчивых социумов способствуют людские страхи. В таких условиях легитимная власть не управляет, а скорее пытается выжить, имитируя свое присутствие.

Рекреационный потенциал кризиса уловим труднее. В любом случае он связан с взаимопоглощением диссипативных и пассионарных элементов общества. Сказывается также «парадокс позиционирования»: всякий субъект, находящийся внутри определенной культуры, воспроизводит заложенные в ней стереотипы. Итогом бывает утверждение «деспотической демократии», возносящей к власти «легитимных» диктаторов. Государственность, таким образом, возрождается с помощью «перебесившейся» традиции: во времена нэпа большевики сделали ставку на крестьянина-труженика, а не сельского бунтаря; ельцинская власть, провозгласив «право на анархию», позволила затем обменять его на лояльность.²¹ Но если большевики облегчили массам выбор в пользу авторитарного государства, предложив квази-религию социализма в одной стране, то нынешней «вялотекущей революции» сопутствуют малокровные, хотя порой не менее оптимистичные идеологемы.²²

В рассматриваемые периоды распространение основных психоментальных потоков происходило соответственно отмеченным градациям кризиса. Охватить все их многообразие в рамках настоящей работы вряд ли возможно. Сконцентрируемся поэтому на вопросе об отношении людей к прошлому, будущему и наличной власти.

КАК УЛОВИТЬ СМУТУ В УМАХ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Основная трудность исследования связана с его не методологическим, а источниковедческим аспектом. Принципы критического источниковедения известны: источником может стать любой документ; все

21 Федотова В. Криминализация России // Свободная мысль. 2000. № 2. С. 38-39.

22 Примечательно, что на смену официальным попыткам сформулировать «национальную идею», которые провалились еще во времена Ельцина, пришли работы авторов, рефлексирующих в частном порядке. – См.: Горянин А. Мифы о России и дух нации. М., 2002; Минченко А.А. Великая постсоветская депрессия: осознание, определение, преодоление. М., 2002.

«свидетельства» неадекватны сути происходившего; задача исследователя – задавать источнику такие вопросы, которые свели бы дезинформацию к минимуму. Опыт изучения кризиса империи начала XX в. указывает на приблизительный или даже зыбкий характер источников, касающихся общественных настроений. Так, психопатологию описанную в нашей книге «Красная смута», можно свести к формуле: цепная реакция неадекватных реакций одних на неадекватные поступки других в связи с предкризисным искажением привычной картины мира. Ныне положение сложнее: более интенсивно циркулирующая информация содержит такое количество вымыслов, что над ней стоило бы предварительно поработать следователям или психиатрам.

В сравнительном исследовании социального хаоса принципиально важно организовать «переключку» гетерогенных документальных рядов.²³ Что касается так называемых объективных данных, то важно научиться их комментировать, учитывая психологическую «иррациональность» их основ. К примеру, анализируя «антибольшевистские» результаты выборов в Учредительное собрание, важно учитывать, что вотум доверия получили социалисты, отличавшиеся от большевиков лишь степенью оголтелости. Точно так же результаты многочисленных опросов общественного мнения 1990-х – 2000-х годов, фиксирующие якобы «рациональные» политические предпочтения, на деле прикрывают собой патерналистские иллюзии и желание ухватить недоступное. Следовательно, «хаотичное» информационное пространство требует «парадоксального» источниковедения. Не стоит, к примеру, брезговать такими источниками, как полушутливые социологические опросы, слухи и собрания анекдотов.

«ПРОКЛЯТОЕ ПРОШЛОЕ» И «СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ» В УМАХ РОССИЙСКИХ ПОДДАННЫХ

Предчувствия, страхи и надежды «жертв самодержавия»

Любую имперско-патерналистскую систему можно представить как особого рода информационное пространство, которое «работает» только при наличии ее непрерывной сакрализующей подпитки. Духовные «пустоты» заполняются всевозможными слухами, интенсивность которых

23 Источники должны быть переструктурированы применительно к «хаотичному» предмету исследования – с этим соглашаются и мои критики (См.: Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М., 2004. С. 716-718). Но учитывать «многообразие факторов», загоняя на привычный позитивистский манер проблему бессознательного и «иррационального» на задворки идеологических вымыслов о борьбе классов и партий, «реакционеров» и «демократов и т.п.», значит отдавать предпочтение «близлежащим» источникам бюрократического ряда, способным отразить хаотичные реалии лишь в наименьшей степени.

определяется ощущением угрозы. «Больные» империи особенно уязвимы подобно тому, как ослабленный организм гибнет от легкой простуды. В известный момент недовольными патерналистской властью становятся едва ли не все. «Прежняя апатия уступила место общему ропоту, вялая покорность судьбе сменилась злоязычным отрицанием существующего порядка...», – отмечал в 1902 г. В.О. Ключевский.²⁴ Сама атмосфера «приближения конца» превращала людей в стихийных революционеров. Распространение психологии самопожертвования в молодежной среде (связанной с феноменом замещенной суицидальности) также можно отнести к симптомам приближавшегося катаклизма.

Победившая революция тут же создала миф общего жертвенного прошлого. Вслед за тем, в атмосфере рукотворного миража²⁵ происходящее стало восприниматься, как «выпадение из нашего обычного измерения в иное», как сфера действия иных законов, иных ценностей и взаимосвязей.²⁶ В лице Советов – «новых» органов «всенародного волеизъявления» – могли выступать традиционные институты (крестьянская община), причем мало, кто был способен заметить такую подмену.

На революции всегда возлагаются непомерные надежды, за которыми таятся страхи перед неизвестным. Ощущения «спасения-угрозы» было характерны и для Февральской революции²⁷ – люди все больше опасались «контрреволюции». Контрреволюционными чертами наделялись все «не трудящиеся» в архаичном смысле этого слова, которые превращались в «чужих». Именно страхи стимулировали утопию и подталкивали события.

Продолжение войны под бесконечные разговоры о мире сыграло главную деморализующую и дезорганизирующую роль. Хаос усиливался неуверенностью «временной» власти, спровоцировавшей выступление генерала Корнилова. В любом случае и революционным элитам, и разрывавшимся между прошлым и будущим массам пришлось делать решительный выбор. Победили бескомпромиссные, под обаяние силы ко-

24 Ключевский В.О. Соч. В 9-ти тт. М., 1989. Т. 7. С. 386.

25 Когда 13 марта 1917 г. под звуки «Марсельезы» в Большом театре поднялся занавес, перед зрителями предстала прекрасная женщина с разорванными кандалами, символизировавшая Свободу, которую окружали поэты, писатели, революционеры. Следующий, более широкий круг составляли крестьяне, солдаты, матросы, рабочие, представители всех классов и народов России. – См.: Театр и искусство. 1917. 19 марта. № 12. С. 210.

26 Берберова Н.Н. Курсив мой. Автобиография. Т. 1. New York, 1983. С. 91.

27 «Старые бабы пророчествуют пришествие антихриста и анчутки беспятого, свержение царств и бедствия народные», – такая информация содержится в одном из дневников тех лет. – См.: Тверской край в XX веке. Документы и материалы. Вып. 2. 1907 – февраль 1917 г. Тверь, 1995. С. 117.

торых подпали колеблющиеся.²⁸ Результаты выборов в Учредительное собрание показали, что: 1) способность масс к самоорганизации на местном уровне ничтожна; 2) массы предпочли «знакомых» лидеров; 3) люди пошли за «своими» партиями, приписав эти качества социалистам и националистам (сочетание утопического и почвенного); 4) их выбор осуществлялся на основе наиболее притягательных лозунгов и «знакомых» вождей. В целом, утопия начала материализовываться из страха перед прошлым.

Между «тоталитаризмом» и «демократией»

СССР был не просто грандиозным мифом – его опыт показал, что современные mass media вольно или невольно берут на себя роль магов, примитивизирующих информационное пространство на средневековый манер. Это в полной мере использовали «прорабы перестройки». Благодаря Горбачеву, люди на время вновь поверили в магию власти и идею «обновленного» социализма. Затем на роль спасителей пришли наукообразные чудодеи из числа экономистов и юристов – против их доводов иммунитета не нашлось ни у кого.

Набор «спасительных» рецептов составлялся по принципу от противного тоталитаризму: разрядка, гласность, дебиюрократизация, хозрасчет, демократические выборы, парламентаризм, права человека, кооперация, свободные цены, конвертируемый рубль, частная собственность и т.п. В число идеологов будущего записывали Дэн Сяопина, Н. Бухарина, А. Солженицына, академика А. Сахарова – стоит обратить внимание на разнородность фигур. По-прежнему действовали и страхи.²⁹ В целом конец 1980-х годов был временем невиданного, почти детского оптимизма, причем упования на будущее, составленное из обновленного прошлого, преобладали.³⁰ Параллельно сакрализировывались «жертвы тоталитаризма».

28 Авторы, осуждавшие ужасы революции, в то же время признавали, что «...ее демоническое могущество и непоколебимость объяснимы только из той пламенной веры, во имя которой тысячи русских людей шли на смерть, защищая свою святыню...». – См.: Франк С.А. Соч. М., 1990. С. 121-122.

29 «Что будет, если и эта перестройка погибнет?» – хором вопрошали литературоведы и писатели. – См.: Московские новости. 1988. 5 июня. С. 8-9.

30 К 1990 г. наибольшие надежды были связаны с деятельностью следующих организаций: Верховные Советы 32%, СМИ 30%, неформальные объединения 27%, КПСС и религиозные организации 22%. Замыкали перечень местные Советы и профсоюзы (16%), Совет Министров (14%), комсомол (11%) и правоохранительные органы (10%). Таким образом, предпочтение было отдано высшим и «соборным», а не местным и силовым структурам. Большинство населения пребывало в уверенности, что «экономические трудности вызваны ошибками» (57%), все изменится, если каждый будет честно трудиться (37%) и к власти придут истинные представители народа (25%). – См.: Огонек. 1990. № 7. С. 3.

литаризма» – расстрелянные Романовы, репрессированные большевистские деятели, депортированные народы, диссиденты. Людям словно казалось, что преступления сталинизма, не удостоившиеся осинового кола, способны умертвить «светлое будущее».

В конце «эры Горбачева» массовое сознание было революционизировано медлительностью генсека и его невнятными акциями, вроде референдума о судьбе СССР.³¹ Новоявленный президент стал теперь казаться таким же консерватором, как в свое время Керенский – контрреволюционером.

Судьбу СССР решил путч номенклатурной верхушки, поразительно напомилавший случившееся ровно 74 года назад выступление генерала Корнилова. Пресса, вмиг ставшая «демократической», вздох превозносила «победившую свободу». Между тем, простых людей все больше беспокоило положение дел с продовольствием. Провозглашение 9 декабря в Белоруссии нового государственного союза – СНГ и в верхах,³² и в низах было воспринято как создание «эффективного» СССР. Практически все политические силы одобрили эту акцию. Любопытно, что спустя пять лет Государственная дума 250 голосами приняла постановление о денонсации Беловежских соглашений – это тоже был чисто эмоциональный акт, но обратной направленности.

Между тем, развращенные советским патернализмом люди в большинстве своем жаждали не демократии, а комфортной безответственности. Подлинным кумиром наименее развитой части общества не случайно стал именно В. Жириновский, само название партии которого – Либерально-демократическая – представляло собой своего рода знаковый концентрат тогдашних символов свободы. Жириновский успешно выступил в роли шута и мага одновременно, соединив традицию смеховой культуры с демагогией большевистского пошиба. Ранее только Ленину, отождествившему социализм с народным разбоем, удавалось втиснуть традиционалистские эмоции в современные политические понятия. Теперь же все были настроены потребительски – каждый «наверстывал упущенное»: «демократы», окружавшие Ельцина, занялись улучшением своего быта за государственный счет, обыватели набросились на низкокачественную завозную колбасу и китайский ширпотреб.

31 Между прочим, результаты референдума оказались безотносительны к этническому принципу, то есть к тому, с чем по преимуществу связывали развал империи – куда больше людей волновал вопрос о власти. Не случайно лишь 71,34% населения РСФСР (меньше, чем в целом по СССР) выступало «за сохранение СССР», а против проголосовали жители Свердловской области и почти половина москвичей и ленинградцев. – См.: *Пихоя Р.Г.* Почему распался СССР // Россия в XX веке. Реформы и революции. Т. 1. М., 2002. С. 141.

32 См.: *Шушкевич С.* После решения ликвидировать СССР нам стало страшно. И тогда родилась идея о СНГ // Российский обозреватель. 1996. № 6. С. 148.

Молодежи прошлое казалось «проклятым» не потому, что в нем присутствовал ГУЛАГ, а из-за отсутствия рок-культуры; будущее же казалось светлым в силу ожидаемого обилия пива. Новые потрясения были неизбежны подобно тому, как в 1917 г. Февраль сменился Октябрем.

В январе 1992 г. последовал неконтролируемый взлет цен, и уже через полгода политику Ельцина перестало поддерживать 73% населения.³³ Этим не могла не воспользоваться оппозиция. Правительственные же СМИ представили ситуацию в лучших большевистских традициях: «Коммунисты, националисты и монархисты заключили союз для свержения президента России».³⁴ Подобная угроза толкнула массовое сознание в противоположном от коммунистов направлении: 68,7% россиян поддержали идею передачи земли в частную собственность, а 52,8% – приватизацию госпредприятий.³⁵

1990-е годы показали нелепость деления российских политиков на правых и левых – среди тех и других были свои сторонники «сильной руки».³⁶ Казалось, что массы также были готовы довериться только силе.³⁷ Результаты декабрьских парламентских выборов,³⁸ однако, показали, что люди моментально разочаровались в социальных результатах переворота.³⁹ Теперь предпочитали таких лидеров, которые могли бы продолжить начатое, избегая нового конфликта. Мониторинг молодежного электората в мае 1996 г. показал, что более 70% опрошенных уже не доверяли никому, причем наименьшим доверием пользовались коммерческие структуры (10,9%). Крайне непопулярны были политические партии и движения (7,5%). Большинство опрошенных не верило ни прокурату-

33 Среди них выделялись пенсионеры, работники сельского хозяйства, рабочие (См.: Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992-2002. М., 2003. С. 54-55), которых можно назвать традиционными (по-советски) общественными слоями.

34 Известия. 1992. 18 сентября.

35 Правда, за свободные цены высказывалось лишь 28% населения, против – 34,9%. – См.: Горшков. Российское общество. С. 51.

36 После захвата «Белого дома» выяснилось, что противники одинаково подозревали друг в друге «агентов КГБ»; к той и другой стороне примыкали явные подонки. – См.: Бузгалин А., Колганов А. Кровавый октябрь в Москве. Хроника, свидетельства, анализ событий. М., 1994. С. 17, 147, 126, 152-153.

37 После октября 1993 г. 30,5% россиян заявили, что власти действовали адекватно, 15,3% – что недостаточно жестко и лишь 28,3% посчитали, что они перестарались. Применение войск оправдывали 62,1% респондентов до 30 лет и 52,8% людей среднего возраста (30-49 лет). – См.: Горшков. Российское общество. С. 74-75.

38 За ЛДПР проголосовало 24%, за «Выбор России» – 14,5%, КПРФ – 13,6%, Аграрную партию – 9%, Женщин России – 8,5%, за «Яблоко» – 7,4%. – См.: Известия. 1993. 15 декабря.

39 См.: Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. М., 1994. № 4. С. 42.

ре (57,2%), ни, тем более, милиции (68,3%). Самые юные и амбициозные – будущие абитуриенты вузов – прежде всего мечтали о стабильности.⁴⁰ Желание противодействовать власти постепенно уходило: весной 1998 г., когда свыше 50% населения выражало недовольство своим уровнем жизни (на деле самым высоким за все 1990-е годы), 54,1% респондентов заявило об отказе от участия в массовых акциях протеста.⁴¹

Оказалось, что, как пишут современные социологи, «процессы трансформации не затронули системообразующие основания ценностей россиян».⁴² Хотя в умах населения советский период по-прежнему представлялся «катастрофичным»,⁴³ в начале 2000-х годов 85% граждан одобрили результаты советской индустриализации. Власть, пугавшая призраками прошлого и не способная защититься от нынешних напастей, теряла авторитет.⁴⁴ Но сохранялась инерция сделанного выбора. Точнее других суть происходящего сформулировал писатель-эмигрант М. Веллер: из под власти одних бандитов простые люди попали под власть других; «экономически... простые люди переползли... из одной кучи дерьма в другую», а «из кучи дерьма другая куча вечно кажется патокой».⁴⁵ Теперь народ рисковал остаться без образа «светлого будущего». В этих условиях в лице Путина во власть двинулась фигура «без прошлого», призванная реанимировать традиционные иллюзии под флагом «укрепления вертикали власти» – разумеется, в «пределах Конституции».

СЧАСТЛИВ ЛИ ВОЛЬНЫЙ РОССИЙСКИЙ ГРАЖДАНИН?

Свобода и вседозволенность в отсутствии самодержца

Революции всегда приносят разочарование. Но поначалу чудо обновления захватывает всех, особенно молодежь: в марте 1917 г. гимназисты скопом записывались в эсеровскую, большевистскую, кадетскую партии. Поддерживали тех, кто казался честнее, понятнее, эмоциональнее. Между тем, в массах произошел выплеск эпатазирующего поведения – «свободный народ» уподобился злым детям без присмотра. Матросы и солдаты расправлялись с офицерами, рабочие вывозили за ворота предприятий ненавистных мастеров в тачках, крестьяне не преминули взять под общинный контроль хуторян и стали подбираться к помещичьим

40 Российский обозреватель. 1996. № 6. С. 99, 106.

41 Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. М., 1998. № 3. С. 63.

42 Горшков. Российское общество. С. 493, 488-489.

43 Десять лет социологических наблюдений. М., 2003. С. 148.

44 В случае угрозы своему здоровью 10% граждан было готово искать защиту у криминальных авторитетов и только 29% – у правоохранительных органов. – См.: Общая газета. 2000. 24-30 августа.

45 Веллер М. Долина идиотов. СПб., 2003. С. 271.

имениям. Старый режим ассоциировался с чередой запретов, венчал которые «сухой закон» – теперь возможность потребления спиртного воспринималась как одна из «завоеванных свобод».⁴⁶ В городской среде образ врага сложился сразу – с подачи социалистов им стал «буржуй». На всем пространстве России общественные отношения выстраивались по схеме противопоставления трудящихся «кровопийцам». Ощущение «справедливого возмездия», осуществляемого самолично, и стало синонимом свободы.

Как известно, после Февраля среди пролетариата (которому подражали все лица наемного труда) развернулось движение за 8-часовой рабочий день, а также за установление контроля над наймом и увольнением. Эти действия принесли ограниченный «успех» – стала падать дисциплина, снижаться производительность труда. Как результат, последовал отток рабочей силы в деревню. Крестьяне, в свою очередь, хотели немедленного «черного передела». В деревню устремились солдаты, опасаясь остаться обделенными. Первоначально революционные вожди взялись, помимо всего, освобождать национальности – всем было обещано требуемое. Затем всех пришлось сдерживать, кивая на будущее Учредительное собрание. Поскольку после провозглашения «мира без аннексий и контрибуций» идея сокрушения внешнего врага как официальная программа правительства потеряла смысл, социальные разочарования сомкнулись с растущим стремлением к миру во что бы то ни стало.

Не получая ожидаемых благ, массы почувствовали себя окруженными всевозможными врагами. Не случаен разгул антисемитизма. Масштабы девиантного оказались напрямую связаны с численностью и консолидированностью маргиналов, прежде всего – матросов и солдат. Архаизация социального пространства повлекла за собой варваризацию революционного проекта в форме лозунга «Грабь награбленное!». Строительство «демократических» институтов снизу приняло государственно дезорганизирующий характер: Советы становились источником захватных действий, а не инструментом социального диалога; за крестьянскими комитетами стояла сельская община, не расположенная к сотрудничеству с земствами; всевозможные национальные организации эксплуатировали стремление нерусских народов обрести «свою» власть. Приход к власти большевиков состоялся на волне утопии, разбухшей от страхов людей перед хаосом.⁴⁷ Лишь немногие верно улавливали общий

46 Булдаков. Красная смута. С. 63, 114, 123, 134-136.

47 «Конечно, шкурные инстинкты были сильны в массах..., – отмечали современники. – Но народ не послушался бы этих темных чувств, если... не было бы идеального оправдания этим темным инстинктам.... Главная вина интеллигенции в том, что она этой проповедью дала освящение низменным влечениям. Социалистический рай был для простых людей тем же, чем были для него сказочные богатства и обетованные земли религиозных легенд». – См.: Муравьев В. Рев племени // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 196.

ход событий, заявляя, что действия «петроградских факиров» приведут «через анархию и поножовщину к самодержавию».⁴⁸

Неверие в собственные силы порождало надежды на реквизиционную политику власти. Но политика военного коммунизма, в основе которого лежала идея охлократической уравнительности, не могла иметь долговременного успеха. Ко времени введения нэпа уже сам Ленин признавал, что Россия похожа на «смертельно избитого человека». Завершение революционного цикла потребовало возвращения к дореволюционной ситуации, архаизированной «пролетаризированным» охлосом и разукрашенной большевистскими лозунгами.

Алгоритм постсоветского недовольства

Утопические установки «простого советского человека» определялись «украденным» идеалом. Он считал себя жертвой системы, которому кто-то очень обязан уже за одно это. Поэтому он ожидал, что: 1) все изменится по мановению руки справедливых правителей; 2) дефицит уступит место всеобщему изобилию; 3) каждый займет достойное место на социальной лестнице; 4) все заживут, как за границей, – «призрак коммунизма» давно откочевал туда. Трудно представить себе человеческий материал, менее подходящий для строительства рационального общества. Между тем, реформаторы исходили из того, что люди изначально умеют экономически «правильно жить» (по аналогии с тем, как большевики считали пролетариев готовыми социалистами), а потому в рыночное пространство России хлынут долларовые инвестиции.

Некоторое время в обществе поддерживалась иллюзия, что эффективность производства может быть повышена в результате перехода предприятий в собственность трудовых коллективов. Теперь шансы на внедрение эффективного самоуправления были куда выше, чем в 1917 г. Но последовала обвальная приватизация государственного имущества. Ее идеологи утверждали, что сохранение коллективной собственности отпугнет иностранных инвесторов, работники «проедят капитал», а пожизненное владение затруднит эффективное использование рабочей силы. Часть этих доводов была не лишена оснований, а контраргументы американских экспертов, не делавших разницы между западными рабочими и российскими,⁴⁹ не выдерживали критики. Но очевидно и другое: российские сторонники капитализма не сделали даже попытки увеличить число собственников, и приватизация приняла поистине варварскую форму. Символом подобных изменений стали так называемые финансовые пирамиды.⁵⁰

48 Свобода и жизнь. 1917. 20 ноября.

49 См.: Симмонс Дж., Лоуг Дж. Тринадцать мифов российской приватизации // Известия. 1992. 1 апреля. С. 5.

50 Из мошенников этого ряда наиболее шумную известность получил Сергей Мав-

Общество надеялось на кратковременность потрясений.⁵¹ Остроту негативных впечатлений смягчала возможность заполучить то, чего люди были лишены при социализме. Сыграла свою роль и возможность попытаться изменить свой социальный статус. Однако к концу 1980-х годов из 2,3% семей, отнесенных к «богатым», лишь 0,7% имели законные источники доходов, а из 11,2% «среднеобеспеченных» половина обрела достаток благодаря дефициту.⁵² Так создавался новый источник недовольства для растущего числа малоимущих.

Около шести десятилетий россиянин обходился без рекламы. Теперь она обрушилась на него подобно чудовищному воплощению его собственных вожелений, искаженных неграмотностью и безвкусицей.⁵³ Даже водочные этикетки отразили мутации постперестроечного времени – между вопросами «Кто виноват» и «Что делать?» в названиях «горькой» нашли свое место «На перекате», «Огненная вода», «Батя Махно», «Дикий мужик», наконец, просто «Хреновина». Некоторые исследователи считают, что единственным социокультурным достижением России 1990-х годов стала сексуальная революция. Но в связи с этим стоит вспомнить и об оргастическом компоненте всякой революции, и о народной «смеховой культуре», и об активизации СМИ, которым стало выгодно ориентироваться на низменные потребности людской массы.

Судя по опросам, недовольство граждан росло вплоть до конца 1990-х годов. Большинство населения (63%) связывало появление страхов с личным опытом, а лишь 33% – с информацией, поставляемой СМИ.⁵⁴

роди, который позднее не без основания обвинил государство в том, что оно, выпуская ГКО, само создало пирамиду, за которую пришлось расплачиваться простым гражданам после дефолта августа 1998 г. (См.: Новая газета. 1998. 14-20 сентября). Когда пирамида Мавроди в 1994 г. рухнула, часть незадачливых вкладчиков потребовала не наказания, а освобождения «финансового гения». Подобных пирамид было создано около 1800, но осудили по этим делам всего несколько человек.

51 Опросы москвичей показали, что если в апреле 1991 г. на вопрос о том, станут ли свободные цены катастрофой или с ситуацией можно будет справиться, удар оказались готовы пережить 27,5% москвичей, то в декабре того же года их стало уже 45,2%. При этом, если в апреле против забастовок выступило 39,8% респондентов, то теперь уже 61,1% жителей столицы посчитали, что подобные массовые акции помешают реформам. Соответственно, если в апреле 55,8% опрошенных были готовы поддержать забастовки, то в декабре их осталось только 26,9%. – См.: Московский комсомолец. 1992. 14 января.

52 Аргументы и факты. 1989. № 27. С. 6.

53 Людям предлагали кетчупы, названные именами выдающихся писателей, горчицу «Малюта Скуратов» и даже «Пельмени КГБэшные». Политические мотивы получали шутовскую интерпретацию: «Если будешь есть пельмени, будешь вечно жить, как Ленин». – См.: Шаповалов О. Анти-реклама. Некоторые патологические особенности национальной рекламы. М., 2001. С. 115-117, 96, 109, 52-53.

54 Матвеева С.Я., Шляпентох В.Э. Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск, 2000. С. 83.

Власти стремились поддерживать образ врага сначала в лице «красно-коричневых», затем – «олигархов» и «террористов». На деле профашистские группы сами олицетворяли общественную паранойю,⁵⁵ а терроризма опасались лишь 37,3% населения.⁵⁶

По-видимому, в 1994-1996 гг. произошли качественные изменения в массовом сознании. К началу 1996 г. количество старых политических анекдотов уменьшилось более чем втрое и составило менее 6% всех, имевших хождение. Новации современности преломились главным образом через анекдоты на темы бытовых неурядиц (их число выросло с 19 до 30%) и они оставили позади «классические» (супружеские взаимоотношения, адюльтер и секс) сюжеты – количество последних уменьшилось с 20 до 15%. С 11 до 6% убавилось число «этнических» анекдотов, зато с 3,4 до 10,5% возросло количество садистских. «Перестроечные» процессы вызывали откровенную издевку.⁵⁷

В это время жизненный успех связывали с соответствующим материальным положением 61% респондентов, с хорошей семьей – 59%, а с добрым здоровьем – 46%. Но более показательно, что 55% опрошенных полагали, что достичь этого легче всего с помощью знакомств и связей, 46% отдали предпочтение поддержке преуспевающих или начальствующих родственников. Правда, 44% респондентов считали, что успех сопутствует людям «деловым, энергичным, способным», и чуть меньше (43%) – «спекулянтам, махинаторам». И хотя в спасительность типичного для прошлого подхалимажа верило лишь 18% граждан, на образованность и трудолюбие рассчитывало и того меньше.⁵⁸ Люди перестали верить в собственные индивидуальные усилия – это важнейший показатель возврата к традиционализму.

55 Логика их была такова: Россия обладает несметными природными богатствами, а потому подвергается «сильной и эгоистической политической, экономической и миграционной экспансии». – См.: Русский порядок. 1995. № 1-2 (21-22).

56 Ко времени второго избрания Ельцина людей больше всего беспокоили неблагоприятная экологическая обстановка (67,7%) и снижение жизненного уровня (67,2%), далее следовали опасения «полного беззакония» (66,7%), «криминализации общества» (63,9%), «массовых эпидемий» (63,9%). Население пугала непредсказуемость власти – недаром бездейственное премьерство Е. Примакова оказало на него релаксирующее воздействие (его одобряли 64% россиян против 27% не одобрявших). Теперь на вершине общественных страхов оказалось «снижение жизненного уровня» (70,7%), «полное беззаконие» (62,2%), «криминализация общества» (60,1%), «коррупция властных структур» (58,1%) и экологические проблемы (53,2%). – См.: Общая газета. 1999. 2-8 декабря.

57 См.: Забавные анекдоты / Сост. М.С. Генис. СПб., 1994; Анекдоты наших читателей. Вып. 7. М., 1995; Вып. 25. М., 1996.

58 Аргументы и факты. Приложение «Золотое кольцо». 1996. № 4.

При растущей нелюбви к Ельцину «свободные» граждане все больше надеялись на «поумневшую» власть. В 1998 г. в перечне мер, которые помогли бы выходу из кризиса, верхнюю строчку занимали: деприватизация стратегических отраслей экономики (87% опрошенных), уход Ельцина в отставку (85,4%), госмонополия на алкогольную продукцию (80,6%), госконтроль над ценами (76,5%). Но куда менее популярны были такие меры, как запрет оппозиционной прессы (11,6%), ограничение свободы выезда за границу (14,7%) и отмена всех выборов (19,7%).⁵⁹ Это свидетельствует о желании сохранить пространство «воли» при минимизации обязанностей перед обществом – явление для России привычное.

При этом общественное сознание все больше склонялось к признанию селективной репрессивности. Как и в 1917 г., в 1991 г. фактически была отменена смертная казнь. 26 января 1999 г. по шестому каналу телевидения проводился соответствующий опрос. Если в 1996 г. 57,4% опрошенных высказалось за более частое применение смертной казни и лишь 16,6% – за ее отмену,⁶⁰ то теперь отмену поддерживало лишь 7% населения. 20 ноября 2003 г. на вопрос телевизионного интерактива по Москве и Московской области (третий канал) об отношении к политическому террору ответили: «осуждаю» – 53%, «одобряю» – 32%, «безразлично» – 15%. Опрос, проведенный на том же канале 7 апреля 2004 г. об отношении к конфликтам на национальной почве, дал еще более поразительные результаты: «понимание» – 77,6%; «осуждение» – 13,8; «желание дать отпор» (действиям такого рода) – 8,6%.

Таким образом, люди хотели консолидации вокруг «своей» власти и решительного устранения «чужих». Появление Путина лишь ускорило неизбежное. Разумеется, данные социологических опросов, согласно которым с конца 1998 до конца 2000 г. заметно уменьшилось число людей, заявлявших об усталости, страхе, растерянности, озлобленности, не стоит принимать всерьез.⁶¹ Скорее люди просто притерпелись: количество самоубийств, резко возросшее с 1992 г. (пик – 41,8 чел. на 10 тыс. населения – пришелся на 1994 г.), стабилизировалось не случайно. Как и можно было ожидать, здесь лидировали Петербург и Ленинградская область⁶²

59 Горшков. Российское общество. С. 255.

60 Аргументы и факты. 1996. № 20. С. 9.

61 Нуждаются в пояснении утверждения, будто с октября 1999 г. по июнь 2000 г. доля россиян, переживавших негативные комплексы, сократилась с 52 до 36%, а удельный вес оптимистов возрос с 41 до 54%. – См.: Горшков. Российское общество. С. 338.

62 Наиболее суицидальными группами населения оказались пенсионеры, отставные военные, высшие чиновники; у рабочих (которых несколько опережали бывшие колхозники) уровень самоубийств оказался в полтора-два раза выше, чем у представителей интеллигенции – это, безусловно, новое, весьма многозначительное явление. – См.: Общая газета. 1999. 2-8 сентября.

– заброшенный по сравнению с Москвой мегаполис. Отсюда видно, что «оптимизм» путинского времени в значительной степени связан с предыдущим вымыванием «пессимистов».

СМУТА ИЛИ ПОРЯДОК: КАКОГО ДИКТАТОРА Я ХОЧУ?

Керенский и Корнилов, Троцкий и Ленин: от иллюзий к реалиям

В России всегда легко прощали человеческие слабости тем, кто однажды продемонстрировал нечеловеческие способности. Традиционная политическая культура предполагает, что образ правителя в критические моменты должен соответствовать людским ожиданиям. Падение самодержавия не упразднило сложившихся представлений о власти – русская революция только и делала, что искала себе вождя, которым на время и стал А.Ф. Керенский. Но если лидер не менялся соответственно настроению толпы, он оказывался не у дел. Осенью 1917 г. даже из провинции писали, что Керенский не оправдал народного доверия, «погубил Россию» и с помощью «жидов» «распял» православную веру, раздавались требования «казнить изменника». ⁶³ В такой общественной атмосфере следовало ждать диктатора, пришедшего снизу.

Вероятно, из числа первых шагов Временного правительства самым удачным стало назначение А.Г. Корнилова на пост командующего Петроградским военным округом – будучи достаточно «розовым», он определенно выделялся из среды «контрреволюционного» генералитета. Но поистине роковую роль в судьбе Корнилова, как и всей революции, сыграл «случайный» человек с неуравновешенной психикой – В.Н. Львов, ⁶⁴ фактически спровоцировавший его выступление. Результат известен – подавление «мятежа» и усиление анархии, на волне которой воспряли большевики, выступившие в роли главных «борцов с контрреволюцией».

Наиболее органичной фигурой революционного хаоса казался Троцкий. Его личностные достоинства как бы умножались на потенциал людской ненависти. Но решают судьбу революции люди несколько иного склада. Ленин производит впечатление лидера, который существовал главным образом в воображении масс. Он не давал ответа на вопрос: «Что делать?» – за него отвечала сама масса, понимавшая его призывы предельно упрощенно. ⁶⁵ После окончания Гражданской войны Ленину

63 Абдурахманова И.В. Образ власти в общественном сознании в феврале-октябре 1917 года // Россия в XX веке. Реформы и революции. Т. 1. М., 2002. С. 323.

64 К такому выводу довольно быстро пришли члены особой следственной комиссии. – См.: ГАРФ (Государственный архив российской федерации), ф. 1780, оп. 1, д. 28, л. 225-256об.

65 См.: Минувшее. 1996. Т. 20. С. 134.

достаточно было сдержать свой пыл – остальное доделали те, кто требовал поворота к нэпу.⁶⁶ И хотя Ленин скорее сопротивлялся происходящему, люди навязали ему эту роль соответственно желанию вздохнуть с облегчением после перенесенных военных тягот. Сталин, который вполне искренне считал себя ленинским учеником, делал это не случайно. Как бы ни демонизировали его современные СМИ, его прием властвования был предельно прост: он понял марксистскую диалектику как «чудо» воскрешения традиционной власти, усердно декорируемой «общенародной» конституцией.⁶⁷

От Ельцина до Путина: рождение «демократического деспота»?

Анализируя российский кризис конца XX в., западные исследователи обычно исходят из того, что поскольку рухнувшие институты и старая идеология потеряли свое значение, важную роль приобретают личные качества и ментальность лидеров, которые и предстают теперь подлинными творцами событий.⁶⁸ Представляется, что точнее было бы говорить о взаимодействии лидеров с людским хаосом – «вождь» становится заложником «разрухи в умах», а затем надежды масс на «чудо власти». Лидер, не оправдавший ожиданий, выбывал.

К концу правления Горбачева стали указывать на его сходство с Керенским. На деле он скорее являл собой странный гибрид Керенского с Николаем II (кое в чем – даже с Александром I, который был готов насаждать демократию с помощью Аракчеева). На этом фоне возвышение Ельцина сделалось неизбежным: его сторонники уверяли, что он обладал магическим воздействием на толпу;⁶⁹ противники признавали, что цепь загадочных событий вокруг его имени лишь добавила ему популярности.⁷⁰ Ельцин даже внешне выигрывал в сравнении с генсеком – народ жаждал увидеть крепкую фигуру правителя с простецкими замашками.

Многие его черты, странноватые для политика конца XX в., делали его для народа «своим». Так, Ельцин всегда казался искренним – точно такое же впечатление производил в свое время Ленин. Обозреватели недоумевали, как могла держаться у власти «такая странная, никого не

66 «Страна явно восстанавливалась, – писал о своих впечатлениях весны 1922 г. П.А. Сорокин. – Под обломками нашей цивилизации, в глубине человеческих душ и сердец что-то пробуждалось – рождалось новое поколение, новый дух народа...». – Сорокин П.А. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991. С. 156, 160.

67 См.: Булдаков. Красная смута. С. 280-281.

68 G.W. Breslauer, *Gorbachev and Yeltsin as Leaders* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002), pp. 260, 269.

69 Коржаков А.В. Борис Ельцин: От рассвета до заката. М., 1997. С. 330-331.

70 Хархан Н. Криминальное крушение. Историческая хроника конца XX века. Ростов-на-Дону, 1999. С. 423.

устраивающая, но при этом для всех единственно возможная фигура»?⁷¹ На деле Ельцин идеально подходил к ситуации, когда людские надежды и разочарования должны были быть симметричными не только усилиям, но и промахам правителя. Ельцин едва ли не впервые в России начал бороться за электорат «балаганным» способом.⁷² В ходе избирательной кампании он пожертвовал А. Коржаковым и М. Барсуковым, которые оберегали его многие годы на манер преданных «дядек», ради сохранения добрых отношений с либералами. Накануне выборов в его победу верило уже 67% избирателей;⁷³ росту его популярности способствовала и гибель неуловимого лидера чеченских сепаратистов.

Люди устали от трудностей, а потому решающее значение приобрели не достоинства лидеров, а привычка к их недостаткам. К тому же Ельцин держался у власти, чередуя взлеты и падения, в значительной степени за счет того, что ему противостояла еще более неприглядная фигура – Г. Зюганов. За семь лет Ельцин снял с постов четырех премьеров, около четырех десятков вице-премьеров, более 140 министров. Однако, в отличие от ситуации 1914-1916 гг., теперь «министерская чехарда» удачно работала на поддержание авторитета правителя, которому, как всегда считалось, мешают негодные советчики. Былые ельцинские фавориты тут же превращались в козлов отпущения, служа лишним напоминанием о его «царственности».

В последние годы президентства Ельцин почувствовал, что на вершине власти требуется совершенно новая фигура, и он сделал своего рода магический жест, сфокусировав внимание общества на неброской фигуре Путина. К тому моменту 45% населения уже считало, что Ельцин не принес России ничего хорошего,⁷⁴ и новому лидеру оказалось достаточно продемонстрировать готовность преодолеть ельцинское наследие.

Молодой представитель спецслужб сразу же прославился своим обещанием «мочить террористов в сортире». Это отвечало народному отношению к бесплодно осуждаемой либералами чеченской войне. И пока интеллигенция награждала Путина нелестными кличками,⁷⁵ на него делали ставку сторонники «Великой России». Путин становился олицетворением силы, которая сокрушит «врага». Опросы показали, что к декаб-

71 Мир за неделю. 2000. 8-15 апреля.

72 Примерно за месяц до выборов начался «супертур» звезд эстрады по городам России под лозунгом «Ельцин – наш президент». – См.: Московский комсомолец. 1996. 18 мая.

73 Горшков. Российское общество. С. 141, 144, 148, 152-153, 156.

74 40% респондентов инкриминировали ему «экономический кризис», 34 – ухудшение условий жизни и чеченскую войну, 32 – обесценивание сбережений и 30 – распад СССР. – См.: Независимая газета – НГ-Сценарий. 2000. 9 февраля.

75 См.: Независимая газета – НГ-Фигуры и лица. 2000. 30 марта.

рю 1999 г. его деятельность поддерживало 69% населения – ровно столько, сколько явилось сторонников новой войны в Чечне!⁷⁶ Появился лидер, в которого можно было беспроблемно вкладывать желаемое содержание⁷⁷ – по некоторым данным, предвыборные речи Путина на 95% содержали «поток общих фраз».⁷⁸ За первые 100 дней его правления надежды на нового президента упали незначительно, большинство населения ставило его в тройку самых выдающихся российских политиков XX в. вслед за Сталиным и Лениным.⁷⁹ Победу Путина постарались увековечить в самой подобоострастной манере.⁸⁰ Примечателен отзыв о нем известного в прошлом спортсмена В. Алексеева: «Наконец, после Сталина у нашей страны появился руководитель с головой... Даже Гитлер не наделал столько зла за четыре года, сколько за 10 лет наделали наши т.н. демократы...».⁸¹ В атмосфере растущей нетерпимости важно было указать на врага, и Путин начал это делать регулярно.

В число реальных заслуг нового президента можно поставить разве что устранение с политической арены наиболее одиозных олигархов, о махинациях которых неоднократно докладывалось еще Ельцину.⁸² Они давно раздражали простых людей – 17 июля 2000 г. на вопрос третьего канала российского телевидения: «Жалуете ли Вы олигархов?» положительно ответило вдвое меньше зрителей, чем отрицательно. С другой стороны, при Путине в людях словно пробудилась агрессивная жертвенность. Не случайно, что лишь незначительная часть россиян возложила ответственность за гибель подлодки «Курск» на руководство страны и лишь 22% в связи с этой трагедией поменяли свое отношение к Путину в худшую сторону.⁸³ Даже история с неудачным освобождением заложников осенью 2002 г. в Москве не поколебала имидж президента.⁸⁴

76 Общая газета. 1999. 2-8 декабря.

77 По словам социолога Б. Дубина, «народ наполнил своими чувствами, недовольством, растерянностью, усталостью фигуру Путина». – См.: Независимая газета. 2001. 8 сентября.

78 Общая газета. 1999. 2-8 марта.

79 *Медведев Р.А.* Время Путина? Россия на рубеже веков. М., 2001. С. 87, 274-275.

80 См.: *Ослон А.А.* «Путинское большинство» как социальный факт // Десять лет социологических наблюдений. М., 2003. С. 343. Это делалось, несмотря на предупреждения, что его правление чревато возвращением «модернизированного сталинизма» (См.: Новая газета. 2000. 20-26 марта) или «советизацией режима». – См.: *Крыштановская О.* Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. Т. 7. № 4. 2002. С. 177.

81 Московский комсомолец. 2001. 7 мая.

82 *Коржаков.* Борис Ельцин. С. 284-288, 310-311, 436-437.

83 Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. М., 2000. С. 67.

84 Если до теракта 54% опрошенных считали, что прежде нужно спасать людей, идя на уступки, то после случившегося 53% респондентов полагало, что следует в

Общество в полном смысле слова устремилось в прошлое. На телевидении, до этого переполненном низкопробными американскими боевиками, все более востребованными становились фильмы-комедии застоных времен, а примитивная лента с примечательным названием «Все будет хорошо» была показана 27 раз.⁸⁵ Со временем их сменили отечественные телесериалы, в которых мужественные спецназовцы с легкостью побеждают «злых чеченцев». Кстати отметим, что телевизор смотрят 94% граждан России, тогда как газеты читают лишь 24%.⁸⁶

Телевизионные интерактивы позволяют уловить ту или иную тенденцию развития массового сознания быстрее других СМИ. 10 ноября 2000 г. на вопрос третьего «московского» телеканала (респонденты которого заметно «либеральнее» общероссийской аудитории): «Кто из известных политических деятелей смог бы вывести Россию из современного положения?» большинство высказалось в пользу Сталина, а меньшинство – Брежнева. Этот результат по-своему дополняет результаты опроса октября 2002 г., согласно которому 39% опрошенных предпочли бы жить при Брежневе и только 23% – при Путине.⁸⁷ Очевидно, что средний россиянин склоняется к лидеру, который обеспечил бы рост бездеятельного достатка при максимальной личной защищенности.

15 января 2001 г. на вопрос того же телеканала: «Нужна ли России “твердая рука”?» положительно ответило впятеро больше респондентов, чем отрицательно (при этом многие заявили, что «она уже есть»). Одновременно резко упало доверие к законодательной ветви власти⁸⁸ и возросло к силовым структурам.⁸⁹ Современные россияне доверяют не столько государству, сколько его карательным органам.⁹⁰ При этом процесс «поиска врага» остается вполне управляемым со стороны власти.⁹¹

первую очередь обезвредить террористов, несмотря на жертвы. – См.: *Общественное мнение-2002*. М., 2003. С. 178.

85 Арсеньев В. Современное российское телевидение. Краткий обзор // *Russian Culture on the Threshold of the New Century* / Т. Mochizuki ed. Sapporo, 2001. С. 127.

86 Независимая газета. 2001. 8 сентября. Социологические опросы подтверждают, что 94,2% информации о внешней и 91,6% – о внутренней политике россияне черпают из телепередач. – См.: Горшков. *Российское общество*. С. 455.

87 *Общественное мнение-2002*. С. 20.

88 В ходе опроса на третьем канале 9 июля 2003 г. число людей, недовольных деятельностью Государственной думы, в 20 раз превысило число довольных.

89 Согласно данным интерактива, проведенного на третьем канале 29 июля 2003 г., число респондентов, доверяющих ФСБ, вдвое превысило численность доверяющих армии и в 10 раз – МВД.

90 11 ноября 2003 г. на вопрос телеведущего третьей программы, что следовало бы сделать государству в первую очередь, ответы распределились следующим образом: «накормить бедных» – 10,8%; «укрепить государство» – 15,5% и «посадить преступников» – 73,3%.

91 13 мая 2004 г. на вопрос третьего канала: «Кто виноват в бедности в России?» в 2,5 раза больше респондентов назвали виновниками «олигархов», чем «чиновников».

Парадоксальное сочетание тяги к «сильной руке» и к ценностям, отождествляемым с демократическими, оставалось характерным и для середины 1990-х, и для начала 2000-х годов.⁹² Некоторые исследователи связывают это с феноменом «раздвоением сознания»,⁹³ характерным для переходных эпох: в 1917 г. традиционалистская часть населения также предпочитала «республику с хорошим царем»,⁹⁴ а в годы нэпа советские граждане больше рассчитывали на «карающую», нежели на «дающую» власть, которая между тем спокойно выжидала, пока в обществе окончательно вызреет идея «народного деспота».⁹⁵

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Некоторые исследователи считают, что в России «популяция – это население, которое систематически в той или иной форме приносится в жертву власти».⁹⁶ Но, похоже, положение сложнее: в XX в. все эксперименты над народом осуществлялись если не при участии, то с молчаливого согласия его самого. Применительно к современности отдельные авторы даже рассуждают о том, что «презумпция виновности» народа к 2000 г. обернулась возрождением традиционной «Русской власти»⁹⁷ – в наиболее уродливой форме нечто подобное уже имело место при Сталине.

Есть еще более тревожный симптом. Именно в последний из двух рассмотренных периодов население так и не отважилось на сколь-либо заметное гражданское неповиновение, позволяя власти отделяться подачками. Число россиян, считающих, что «эффективных способов влияния на власть нет», неуклонно увеличиваясь с 1995 г., в 2001 г. составило почти 60%,⁹⁸ тогда как после 1917 г. сопротивление большевизму было куда более активным. И дело, вероятно, не только в иллюзиях относительно нынешней власти и, тем более, в усвоении обществом «демократических ценностей». Можно поставить вопрос о важнейших отличиях рассмотренных кризисов: эра «крестьянских революций» кончи-

92 Горшков. Российское общество. С. 117, 491.

93 См.: Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М., 2001.

94 Булдаков. Красная смута. С. 60, 66.

95 См.: Булдаков В.П. Социокультурные гримасы нэповского времени и проблема социальной стабильности // Право, насилие и культура в России: региональный аспект (первая четверть XX века). Москва-Уфа, 2001. С. 298-300.

96 Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская Система: генезис, структура, функционирование (тезисы и рабочие гипотезы) // Русский исторический журнал. Т. 1. 1998. № 3. С. 77.

97 Бляхер Л. «Презумпция виновности». Метаморфозы политических институтов в России // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 89.

98 Горшков. Российское общество. С. 410.

лась; нынешние формы революционности носят по преимуществу «замещенный» характер – их провоцируют и редуцируют СМИ соответственно той или иной степени давления «сверху» и «снизу».

Возможно, кризисный ритм российской истории «уплотнится»: доверие к власти подвержено сильным ситуационным колебаниям,⁹⁹ а парламентские выборы способны основательно обострить ситуацию. Большевикский режим первое время все слои населения оценивали скептически, но он уцелел и укрепился – главным образом за счет идеологической ярости «поколения Октября». Сможет ли теперешняя власть создать нечто подобное? Как далеко зашло неверие населения в идею «самоочищения власти» конституционным путем?¹⁰⁰

Как бы то ни было, две последних установки Путина: «Удвоим ВВП» и «Международный терроризм объявил войну России» слишком откровенно пародируют сталинские лозунги. Сможет ли население России распознать в подобных заявлениях обычные пропагандистские уловки советских времен? Станет ли это основным признаком отхода от патерналистской модели взаимоотношений с властью? В любом случае мы можем констатировать одно: взаимоотношения россиян с властью все еще далеки от демократических стандартов.

99 29 августа 2003 г. на вопрос третьего телеканала, что такое официально провозглашенная борьба с коррупцией, 20,2% респондентов ответили «очищение общества», 10,4% – «сведение счетов» между различными коррумпированными кланами и 69,3% – «предвыборная кампания» (попытки власти поднять свой престиж. – В.Б.).

100 15 октября 2003 г. на вопрос третьего телеканала: если «оборотни в погонах» (коррумпированные милицейские чиновники. – В.Б.) будут осуждены, изменится ли отношение к власти?, ответивших «нет» оказалось почти втрое больше, чем сказавших «да».